

СЫН за отца

Известия. — 1996. — 13 окт. — С. 5

Актерские династии сейчас в моде, ими украшают презентации и номинации. Династия актеров Еременко из того времени, когда семейственность вызывала бурю негодования. Два Николая Николаевича, два народных артиста, два полярных образа. Генерал от кинематографа Еременко-старший и «авантюрист», «пират XX века» Еременко-младший. Конфликт поколений, ставший сегодня зоной повышенного риска, конфликт убеждений и инфарктов — в основе фильма Николая Еременко-младшего «Сын за отца...». В главных ролях — отец и сын Еременко.

12 апреля состоялся показ фильма в рамках фестиваля «Московская премьера», собравшего наиболее интересные работы, сделанные в странах СНГ в последние годы.

Наши собеседники — народный артист СССР Николай Еременко, живущий в Минске, и народный артист России, москвич Николай Еременко, его сын.

— Неужели никому раньше не приходило в голову такой ход — снять в одном фильме двух Еременко?

Отец: Такая мысль мелькала, но я так долго жил во времени, когда упрек в семейственности походил на прокурорский вердикт.

Сын: Были даже предложения, но я всячески избегал «семейных» встреч на съемочной площадке. От чрезмерной самостоятельности что ли... А потом появился с этой идеей замечательный драматург Владимир Черных и воплотил ее в сценарии. Я пошел «уговаривать» своих друзей-режиссеров, но когда они узнавали о ничтожности сметы, выделенной на картину министерством культуры Белоруссии и Роскино, то моментально отказывались. Так вынужденно я занялся режиссурой. Будучи человеком деятельным, я просто испугался: «Вот так и буду сидеть ждать, пока кто-то осясляет меня, предложив развесистую клюкву, да еще со своей женой в главной роли».

— Картина о сложных взаимоотношениях поколений основана на личной истории?

Сын: Ничего конкретного в виду не имелось. Есть отец и сын — династия врачей. Поначалу они — антагонисты. Отец не умеет жить в это время и просто погибает. Сын — совсем другой, он процветает, имеет свою фирму. Именно он и вытягивает отца. Проблема, как мне кажется, болезненно звучащая сегодня, и привлекла меня.

— Общеизвестно, что Николай Еременко-старший занимает достаточно жесткую политическую позицию, неоднократно заявляя публично, что был и остается коммунистом. Как вы избегаете внутри-семейной конфронтации, ес-

ли сын утверждает, что политика «давно ему обрыдла»?

Отец: Коля молод, легко адаптируется к бешеным переменам в жизни. Мне грешно уже менять убеждения. Хотя я не ретроград. В нашей системе ценностей главным является отношение к творчеству. Так мы и сосуществуем: три народных артиста в одной семье, я имею в виду мою жену, Колину маму — Галину Орлову.

Сын: Да, отец — коммунист, он и в фильме — коммунист. Я пытаюсь его шадить, избегать дискуссий, помня, что за плечами у него два инфаркта. Могу шутя, иронически кого-то из борцов «пнуть» слегка. У него хватает мудрости либо не заметить, либо со мной посмеяться. Стараемся больше идти навстречу друг другу. Легко ругать целое поколение — не так жили, не так верили. Отца — невозможно.

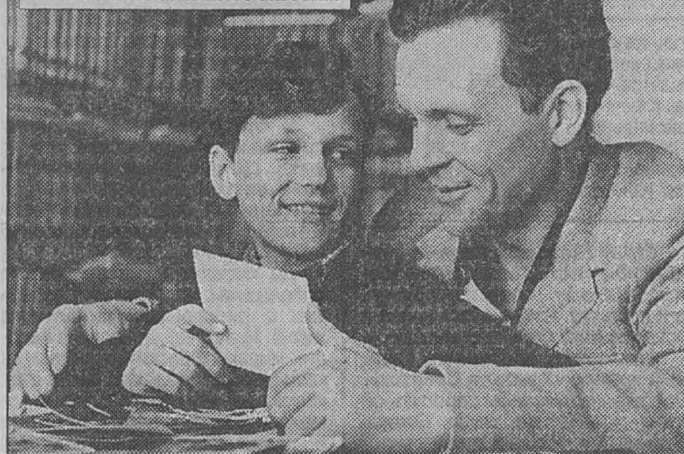
— Правда ли, что Николаю Николаевичу-младшему предложили пост министра культуры Белоруссии?

Сын: Это так. Но каждый должен заниматься своим делом. Обязательно я какой-то своей ногой угодил бы в политику и завяз бы в ней... Я живу с надеждой, что народ вернется к баррикад в кинозалы. Для этого, в частности, я и делаю картину. В ней нет трупов, чернухи, порнухи. И сегодня фильм лидирует на кинорынках. Соскучились ведь все по хэппи-энду.

— А не мешает ли активная политическая позиция, хлопотное бремя общественных нагрузок непосредственно профессии?

Отец: Идеальные убеждения — мое личное дело. Став во главе Конфедерации творческих союзов Белоруссии, я сразу же заявил: «Нас 7 тысяч человек. Все мы принадлежим к разным партиям, союзам. Давайте забудем об этом, будем заниматься исключительно проблемами профессии». Вот верите ли, у меня

Отец и сын Еременко. 1962 год.
Фото из семейного альбома.

получается помогать людям. Получается быть организатором. Пользуясь своим авторитетом, своим «портретом». Выбивать, доставать, пробивать. Не мне же, отцу и деду, отказываться от реальной возможности помочь, в особенности молодым талантам.

— А как вы оцениваете профессиональную состоятельность новой генерации, пришедшей в кинематограф?

Отец: Молодым сегодня чрезвычайно тяжело. Матры еще как-то могут пробиться. У начинающих нет даже возможности снять дипломную работу. Раньше в Белоруссии делали 8 художественных, 12 телевизионных картин, теперь с трудом 3. В России, думаю, все же полегче, больше спонсоров. Замыслов интересных — не счастье. Денег нет. Какие уж тут перспективы...

Сын: Молодежь пишет про себя, себя же и снимает, потом и призы сама распределяет. Так вот устроились. Критерии профессионализма занижены. Появление клипмейкерского сознания существенно обедняет задачу художника, сажает на мель его работу.

Вместе с тем, боюсь сглазить, кинематограф медленно выползает из 10-летнего провала в яму мрака и черноты. Все обещали уже мерзостно, зубодроблением...

— У кинозрителя Николай Николаевич-старший ассоциируется с образом положительного партийного деятеля.

Отец: Да, я был «социальным

героем». Помню, когда меня впервые увидел Михаил Горбачев, то воскликнул: «О, вот Николай Николаевич, наш кинематографический генерал и партработник». А характерные роли как-то стерлись в памяти.

Сын: Как правило, зрительское восприятие унифицирует актера по одной-двум ролям. Так меня вечно отождествляют с Жюльеном Сорелем из «Красного и черного», так и отец стал воплощением идейного борца на экране.

— Какая из черт характера друг друга вам импонирует?

Отец: Наверное, преданность работе, он поразительно работоспособен. Вероятно, это школа Герасимова, и мое общение с этим мастером тоже стало кинематографическими университами.

Сын: Я думаю, верность. В самом широком смысле этого слова. Верность позиции, верность жене, юношеским убеждениям. Быть таким я уже никогда не смогу. Москва многое выхаживает, выбивает тебя, как ковер на веревке. Но больше всего горжусь тем, что осталось во мне от провинциала.

— Чем сегодня можно помочь нашим отцам, как облегчить их существование?

Сын: Я пытался ответить на этот вопрос, снимая фильм. Не могу сказать, что мой отец погибает, его герой в картине живет много хуже. Отец — боец, потому и нажил себе инфаркты. Помимо работы, у него есть борьба. И он живет этой борьбой.

— А вы?

Сын: А я — на диване... Буду лежать, размышлять и наблюдать. Участвовать во всем этом — упаси меня Бог. Может быть, это аморально в наше сложное время, и кто-то меня осудит. Но, признаюсь, в такие моменты я думаю: «Как бы их изобразить? Как сыграть вот эту напыщенность, чванливость, жестокосердие?»

— Сегодня Россия и Белоруссия объединяются в новый союз. Для вашей семьи это, видимо, дорогое событие. Вы будете принимать участие в Конгрессе интеллигенции, который в мае будет в Минске?

Отец: Мы не перестаем твердить, что деятели искусства должны быть выше политических хитросплетений. Давние человеческие, творческие связи не рвутся в одночасье по мановению неведомовидного политика. 15 лет руководил я Театральным союзом Белоруссии и 5 лет был заместителем Кирилла Лаврова в Союзе ССР. Так мы породнились, прикипели друг к другу, что когда все рухнуло, связи живые не оборвались. Мы инициировали решение вопроса о межнациональных культурных связях на совещании глав правительств, создан Международный совет по культуре.

Сын: Да, отец — участник и большой любитель разных конгрессов, и останавливаться ему не хочется. А я должен посмотреть, что там будет происходить, подумать и оценить, что это такое «культурная интеграция» — голая политика или естественная жизнь.

— Что интересного сегодня происходит в творчестве двух Николаев Николаевичей?

Отец: Увлечен по-настоящему интересной работой. Дударев написал на меня роль в пьесе «Сумерки». Сейчас репетируем ее в Русском театре.

Сын: Ролей предлагают много. Но, знаете, как это сейчас делается? Приносят сценарий «под меня», но с условием, что и деньги достаю я. Так что надеюсь только на себя. Понимаю, что нет ничего более сложного, чем делать вторую картину. И все же попробую заняться режиссурой. В актерской профессии тоже есть свои паузы. Их надо уметь прожить.

Лариса МАЛЮКОВА,
журналист.